

Зима

Гандзюк Наталья

Наталья Игоревна Гандзюк

Зима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29408617

SelfPub; 2018

Аннотация

"Зима" – это многослойная картина судеб разных людей взаимосвязанных друг с другом. Герои повести мучимы вечными вопросами о любви, жизни и смерти. Они любят, теряют, обретают друг друга, мучаются, создают и учатся, всё время учатся сложной профессии – "человек".

ЗИМА

Облака зимой совсем другие, как будто они состоят не из воды, а из лёгкого дыхания существа иного мира. Ты смотришь на них и вроде бы узнаёшь. Меняется всё, даже небо! И только голуби с монотонностью отшельников падают вниз с козырьков балкона, чтобы раскрыть крылья у земли.

К зиме невозможно подготовиться! Предвестники её появляются ещё в начале лета, и, всё больше сгущаясь, раскрывается она бриллиантовым инеем на траве, твёрдостью и йодом почвы, первыми редкими снегопадами, и к декабрю ты оказываешься на самом дне зимы, в самой её сердцевине и чувствуешь во всём теле необычайную лёгкость и готовность к полёту.

Нина любила зиму больше остальных времён года, но никому не говорила об этом, дабы не провоцировать окружающих. Всё ей в ней нравилось! Пустынные улицы, молчаливые закутанные прохожие, падение снега, долгие прогулки за городом в одиночестве по незнакомым дорогам и лесам, пока снег, мороз и тишина не сделают своё дело – душа начинает дышать, как в детстве.

Последний раз она гуляла в одиночестве много лет назад и была такой счастливой! Жизнь смело можно было поделить на три периода. Ещё нельзя гулять в одиночестве – ты ребёнок, и хотя всё время стремишься покинуть границы детской площадки, двора, дома, перейти дорогу, углубиться в лес –

за тобой всегда следует взрослый. Можно гулять в одиночестве – ты становишься взрослым. А потом ты сам следуешь за кем-то – у тебя появляются дети.

Но всему своё время и свой час. Как уже сказано в одном прочитанном недавно рассказе: «Если точно следовать своей судьбе, то выбора не существует». Ты не стоишь на распутии перед камнем, на котором начертаны фразы, уже на тебя повлиявшие, потому что ты их прочитал, даже если ты не выберешь ни одну из трёх дорог и пойдёшь в обратном направлении. Если точно следовать своей судьбе, даже при благоприятных обстоятельствах, неизвестно, позволят ли тебе прожить долгую скучную жизнь. А если позволят, каким образом пройдут роды? Роды всегда бывают благоприятные и неблагоприятные. И что происходит с людьми, для которых роды в мир иной прошли неблагоприятно?

Что касается Нины, то она рожала три раза. Первый раз перед родами она долго лежала на сохранении как старородящая, ведь ей было уже тридцать лет! В палате читали любовные романы, и их стопка на большом старом подоконнике росла и росла. Другая, более серьёзная литература, выбравшись из кармана, лежала на столе. Она была выдана лечащим врачом, который с ослепительной улыбкой заходил в палату и раскатистым басом восклицал: «Ну! Где там наши дети греха?» И женщины по очереди оголяли свои животы, к которым он по очереди прикладывал трубку, простукивал, и для каждого живота была своя азбука Морзе. Ответы он слушал внимательно, но передавал не

все, так как там, в глубинах вод, иногда попадались грубияны. «Отелло», «Идиота», «Бесов», «Мертвые души» и даже Бунина и Пушкина он читать не советовал, и – порядок есть порядок – вместе с но-шпой, боржоми и зелёными яблоками на тумбочках появлялись новые и новые книжки в тонких переплётах с неизменным изображением поцелуя на обложке и одинаковым содержанием.

Вадим приходил раз в три дня. Нина садилась на подоконник. Они смотрели друг на друга и молчали. Потом Вадим уходил, и уборщица привозила пакет с продуктами. Аппетита не было, и почти всё принесённое уминала Наташка, очень худенькая и прожорливая беременная, которая всё время повторяла: «Нин, познакомь меня со своим мужем. Мы созданы друг для друга! Он будет готовить, а я – есть!»

Созревшие беременные спускались этажом ниже, где давным-давно был запущен и неизменно совершался ритуал родов, и, если ты уж забеременела, этого ритуала было не миновать. В операционной напротив палаты для сохранения, делали аборт, и часто заблудившиеся души младенцев летели через палату беременных в большое больничное окно. Пространство вздрагивало, колебалось и как будто охало.

Однажды Нина шла по больничному коридору, и из операционной на каталке вывезли мёртвую девушку. А может быть, она была жива, и Нине показалось... Смерть ходит за нами повсюду, но не всем открывает дверь и не всех приглашает.

Арина родилась поздно вечером после продолжительных мук, при которых Нина так сжимала челюсти, что сломала себе два зуба и покрыла синяками руки и ноги, которые она без устали щипала, чтобы отвлечься. На родильном кресле Нина невпопад кричала, испытывала ужас, неправильно дышала и неправильно тужилась. Врачи покрикивали на неё и обещали побить, но, пройдя через свою вершину, муки закончились, и она увидела Её. Удивительно красивое и полноценное, отдельное, смазанное жиром и кровью тело младенца.

«Дело не в предмете, а в глазе» – Нина понимала эту фразу, когда училась рисовать. Она рисовала ножи, вилки, воздух вокруг ветвей, карнизы крыш, кору деревьев, абажуры, чашки, очки, кусочки сахара. Иногда ей казалось, что не она смотрит на мир, а, наоборот, мир смотрит на неё её глазами, и она сама существует только для преломления взгляда – движения туда и обратно. И были: Нина – храм, Нина – дерево, Нина – пейзаж, и в этом не было суеты. Смыслом было только смотрение. После появлялось чувство, но оно было больше Нины, и больше пейзажа, и больше всего.

Дело не в предмете, а в глазе. Какая разница, на что смотреть или что рисовать? Ножка стола порой может рассказать о себе больше, чем парковая дорожка в камушках и лепестках.

Когда Арину первый раз принесли на кормление, Нине показалось, что в палате пошёл снег. У девочки были про-

зрачные ресницы, прозрачные брови, прозрачные волосики... Она была очень зимняя, очень понятная сердцу. В перерывах между кормлениями матери тосковали, ходили по коридору в поисках палаты с младенцами, маялись от избытка молока, мазали зелёной разрывы и раны, полученные в родах, хотели есть и спать, но когда приносили малышей, усталость и тоска улетучивались. У матерей менялись лица, распрямлялись спины, оголялась грудь. Кормление было самым древним ритуалом, и в это мгновение нельзя было сказать, какой ритуал древней – оплодотворение или кормление. Становилось невыносимо тихо, и двенадцать мам прижимали к себе младенцев. Там были слова нежности, слова нежности...

– Чернота чёрного карандаша на листе. В этом и есть красота, – говорил художник. – Да вы не робейте, заходите, сейчас я вам налью вина. Последнее время я не пишу кистью. Я дописываю. Иногда просто смешиваю в ведре акрил и выливаю на холст. Посмотрите!

С невероятной быстротой и щедростью художник стал наполнять ведро краской. Потом отошёл в сторону, прикурил сигарету, сделал две затяжки, подошёл и резко опрокинул его на приготовленный холст. Когда краска растеклась, он поманил нас пальцем. На холсте в невероятных глубоких сочетаниях смешались серебро, темнота и чернота:

– Похоже это на дно колодца? Я не знал, как оно выглядит,

теперь... знаю.

Иногда Нина с Вадимом устраивали световое шоу. Вечером гасили свет и, лёжа на диване, играли множеством фонариков разной мощности. В больших и маленьких лучах и световых окнах, появлялись бабочки, слоны, собаки, абстрактные фигуры... Потом руки выбрасывали фонарики и искали друг друга.

Если рассказывать о Вадиме, роды настигали его с периодичностью гораздо меньшей, чем семь или девять месяцев. Перед родами он уходил в себя, ни с кем не разговаривал, запирался у себя в комнате, обколачивал стены, выл, кричал, мучился, и хорошо, если роды настигали его в домашней обстановке. А если на работе? Или по дороге домой? Если роды настигали на работе, его тотчас же увольняли; если по дороге домой, его не замечали. Для Вадима вся жизнь была долгим и утомительным процессом родов. Каждый раз он рожал сам себя вне больниц, акушерок и стерильных пелёнок. И каждый раз он сам становился себе и мамой, и отцом. Возможно, ему нужны были антидепрессанты или лоботомия, но, возможно, он обнаруживал некий закон, существующий сам по себе во Вселенной, назовём его родовой матрицей. Да...

Нину он знал задолго до знакомства. В свои двадцать девять лет она была уже «талантливым и интересным молодым художником» и часто выставлялась. Её многие знали в лицо. И именно её лицо обладало для Вадима странным магнетиз-

мом. Когда он смотрел на её фотографии, у него учащалось дыхание, и он испытывал чувство, близкое к чувству полёта, но он не летал, даже во сне. Они познакомились на её персональной выставке. Она дала ему свой телефон, он стал звонить и понял, что... как бы это так сказать и не обидеть, что Нина «на выданье». Пустота рядом с ней стремилась заполниться. Можно было быстро впрыгнуть в эту пустоту и встать рядом с ней. Он впрыгнул и встал. Разве он мог выбирать?

Вадима Нина знала до своего знакомства с ним. Перед пробуждением ей показали негатив фотографии. На фотографии был запечатлён молодой человек с вьющимися длинными волосами. Фотография была живой. Ветер обдувал одежду запечатлённого и портил причёску. «Это твой жених», – произнёс кто-то то ли женским, то ли мужским голосом. Нина проснулась – и сразу забыла сон. Нам не обязательно помнить свои сны. Также никто не стоит у нас над душой с требованиями воспоминаний о прошлых жизнях. Умер – ещё помнишь. Но если родился – сразу забыл.

В юности Нина не то, что бы не хотела детей... Она даже не думала об этом. Мир детства и все, что с ним связано, существовал рядом, но она не входила в него, только однажды, когда была вынуждена преподавать изобразительное искусство в школе. Тогда Нина обратила внимание, что чем младше ребёнок, тем он больше любит рисовать, тем он смелее, свободнее, лаконичнее. Он рисует, как дышит или плывёт. «А я знаю, как надо, и уже не нарисую стол чёрным цветом,

не повешу кувшин в воздухе, не сделаю одну руку длиннее другой», – думала Нина. Но мы меняем друг друга. Знаем мы об этом или не знаем. Хотим мы этого, или не хотим.

Беременность Аришей проходила легко. Ей не хотелось есть мел и камушки. У неё не было зверского аппетита и утренней тошноты. Когда внутри появилась приятная теплота, тяжесть и ребёнок зашевелился, Вадим загулял. Он и не скрывал своих отношений с Ксенией. Она звонила ему ночью – он одевался и пропадал на сутки или двое. С Ксенией Вадима связывали годы, проведённые в институте. Одно время они даже жили вместе, потом расстались, но когда Нина забеременела, женщина сняла квартиру рядом с их домом и стала звонить по ночам. Они часами разговаривали. Потом Ксюша пришла в гости, и они с Вадимом долго стояли на балконе, курили, смеялись и что-то обсуждали. Потом она попросила помочь ей что-то передвинуть. Потом Вадим стал исчезать, а когда возвращался, запирался у себя в комнате.

– Может быть, мне уйти? – спросила однажды Нина.

– Как хочешь, – ответил Вадим.

Когда Нина переселилась к подруге, была зима с чёрными мокрыми дорогами, влажностью и снегом для лепки. Да... Как вы думаете, зачем человеку дана ревность? Ведь как мудро сказал Хакагурэ: «В этом изменчивом мире нельзя быть уверенным даже в настоящем». И последовательность событий нашей жизни существуют совсем не в той обывательской логике, к коей мы хотим себя отнести или при-

частить. Один день бытия человека знаменует собой целую жизнь. Влюблённый думает, просыпаясь на следующее утро, что он любим, и всё будет по-прежнему, но новый день – это новые правила игры, которые необходимо почувствовать, расшифровать её коды и соотнести со своей судьбой. На это потребуются вся ваша «самурайская» бдительность, и, минуя морок, вы будете постигать её красоту. Розы в вазе, подаренные любимым, рано или поздно завянут, но высыхая, они приобретут другое качество. В любви нас привлекает только удовольствие, но оно имеет обязательную обратную сторону, и редким пловцам удаётся доплыть до берега, где отстранённость и внутренний огонь переплавляет её лицо и изнанку.

Нина ревновала, но если бы она попыталась исследовать это чувство, то увидела бы, какие у него мощные корни, и как глубоко они входят в почву с другим именем. Как же мы хотим себя обезопасить! Как хотим удержать в руках и не отпустить нечто живое! Мы строим замки, и прячемся в них в погоне за устойчивостью и неизменностью, и не замечаем, что устойчивость и неизменность имеет лик смерти.

Снег падал слой за слоем, очищая воздух, делая землю всё мягче. Он падал на лица, на фонарные столбы, на опустевшие платформы, на спины покрикивающих электричек.

Человек не может жить без любви. И душа его, двигаясь в верном направлении, отбрасывает всё, что мешает. А мешает порой так много и так утончённо-изысканно. Не прошло и

месяца, как позвонил Вадим и попросил вернуться. И Нина вернулась.

Разве можем мы выменять муки на правильный сон или питание? Нет, конечно, кому-то суждено родиться на птицефабрике с точным распорядком. А кому-то познать счастье и боль в равных или разных соотношениях.

– Вчера ко мне в мастерскую зашла Диана, и, представляете, я не выдержал, опять написал её портрет! На столе стояли гладиолусы божественного цвета, спасибо вам за них! Она сидела на стуле, такая величественная, красивая... И я не выдержал, опять создал шедевр, вот, посмотрите.

Художник развернул большой горизонтальный холст к свету. Картина была переполнена знанием и нежностью. Она была написана чрезвычайно смело, и одновременно в ней виделась такая точность!

– Эта женщина вдохновляет меня! И всегда вдохновляла. О! Это имя – Диана! – художник обвёл гостей взглядом, ожидая их восхищения, он словно говорил: «Восторгайтесь! Будьте же людьми!» – У кого-нибудь из вас есть такая жена? – он засмеялся. – Ну, таких женщин надо заслужить!

Вадим не понимал, что с ним происходит. Всё раздражало его в Нине. Как она ходит, как одевается, как стоит, как говорит, как дышит. Его родовой процесс был замещён непрерывной ненавистью к жене. Он хотел отвлечься, но не мог.

Всё, что ему когда-то казалось милым и чем он восхищался, спустя время приводило его в бешенство. Не помогала ни работа, ни музыка, ни кино, ни голод, ни сытость, ни друзья, ни враги. Куда-то испарился флёр влюблённости и уважение, а было время... Он боролся с собой, как мог, пока однажды ему не позвонила Ксения:

– Ксюшка! Как хорошо, что ты позвонила! Больше не выношу эту суку, давай встречаться! У тебя такие же глазищи? Что, ты живёшь рядом? – Вадим понял, что спасён.

Куда всё уходит? Куда ушёл трепет и внимание? Понимание каждой чёрточки лица, готовность слушать голос? Куда канули долгие совместные прогулки, во время которых он жадно спрашивал, а потом спрашивала она. Это был ежедневный марафон постижения друг друга, и не было в этом усталости, не было печали. Когда Нина переехала к подруге, жара увлечения Ксенией стала спадать. Вадим уже не так самозабвенно падал и забывался в её волосы, губы, бёдра. Он постепенно размагничивался и однажды не ответил на её телефонный звонок. Наступила апатия, совпавшая с короткими зимними днями, и не сразу, но иногда в сердце начала просыпаться щемящая тоска по Нине.

Снег часто стаивал, становился тонким, и из-под него выбирались и лежали сверху огромные листья тополей, похожие на тёмные, вырезанные из бумаги сердца. Любовь может выглядеть по-разному. Пути её не хожены и не знаемы. Там где она, нас нет.

Дети растут быстро. Когда они приходят к матерям, жизнь женщин неотвратимо меняется. Изменилась она и у Нины, и, как все остальные матери, она вошла в реку сосредоточения и заботы, и та увлекла её. Её жизнь растворилась в дочери, в её сне, пробуждениях, купаниях, гуляниях, кормлениях и преобразилась. Черты лица у Нины смягчились, и, наверное, многие могли бы сказать, что она потеряла свою красоту и яркость. Также можно было бы сказать, что мир её сузился. Она на время потеряла друзей и профессию, но без жертвы мы никогда не сможем ничего познать. Она почти не разговаривала, не рисовала, целиком и полностью поглощённая Аришей и Вадимом, и у неё ни на что и ни на кого больше не хватало ни сил, ни времени.

– Нина! Не будь душой! Так нельзя! Во что ты превратилась? Стала похожа на моль! Ты же женщина! Возьми себя в руки, знаешь, к чему приводит фанатизм? Ты ему скоро станешь не интересна! Что за вид? Почему ты перестала краситься? Почему ходишь в одном и том же? – увещевала Нину её подруга Гуля. – Сходи в магазин, купи себе что-нибудь новое. Ай-ай-ай! Пропала девка!

– Гуль, а Гуль, прости, мне пока не хочется в магазин.

– Так в гости приходи!

– Не могу никуда ходить.

– Ладно, Нинка, всплывёшь – появляйся. А то давай в баню сходим! Мы с Колей, ты с Вадимом, а Аришку с собой

возьмём!

– Всё, Гулечка, больше не могу говорить! – Нина бросала телефон и бежала к дочери.

Гульнара и Нина росли в небольшом подмосковном городке на одной улице, учились в одном классе, вместе уехали в Москву, поступили в разные вузы и сильно друг в друге нуждались. Гуля вышла замуж рано, и они с Николаем жили, как голуби. Гуля была хорошей хозяйкой. Варила плов, делала манты, пекла тонкие татарские пирожки с разной начинкой, но самым большим и серьёзным её увлечением была езда на мотоцикле. Николай был старше. Когда они поженились, он уже управлял компанией, и о его честности и добром нраве среди подчинённых ходили легенды. Всё было хорошо, но как же без «но»? Бог не давал им детей, заставляя останавливаться и спрашивать себя: «Может быть, что-нибудь не так?» У татарской богини Гульнары всё должно было быть отлично. Она окончила школу с золотой медалью, институт с красным дипломом, она была красива и оптимистична, но... После круга хождений к «светилам», «бабкам» и колдунам Коля и Гуля чуть сбавили обороты, и иногда, в минуты отчаяния или слабости, в неведомой глубине их глаз считывалась ненависть.

– Гуль, а что вы из детдома не хотите взять? – спрашивала Нина.

– Как ты не понимаешь, это же чужое! – а потом добавляла: – Я бы взяла, Коля против, ладно, поживём – увидим.

В минуты отчаяния, когда на глубоком дне глаз скапливалась ненависть, Коля задерживался на работе. Он завершал и приводил в порядок свои дела, делал работу своего помощника, мыл машину, курил сигарету за сигаретой и сидел за своим рабочим столом, уйдя в себя и уставившись в одну точку, временами поглядывая на часы. Домой ещё рано. Домой пока рано. Рано. Ну вот, теперь можно ехать.

В те самые минуты, когда хотелось выть, Гуля поднималась на седьмой этаж и звонила в 41 квартиру. Там ей всегда с радостью забивали косяк и составляли компанию между седьмым и восьмым. И там она познакомилась с Игорем.

– Я прошу вас! Купите у меня «Раков»! Я дешёво отдам, сто евро – и картина ваша! Дело в том, что я их не очень люблю. Что вы сказали? Вам нравится? Вы действительно находите, что она хороша? Хм. Интересно. Что? Завтра купите? Давайте послезавтра, мне надо подумать, посоветоваться с Дианой. А вы видели её работы? Такой керамики вы нигде не найдёте, только в раю. Да! Вы не ослышались, только в раю...

Гуля и Нина были антиподами. Во всём они любили разное, были разные по характеру и внешне. Нина – высокая и статная, длинноволосая, широкобёдрая, светлоглазая, немного медлительная и непостижимая. Гуля – мальчишка во всём. Коротко стриженные чёрные волосы, худенькая и

щуплая, тёмные умные угольки-глаза. Ощущение красоты возникало от соединения всех деталей в целое и от внутренней свободы, которой сразу же все заражались, потому что свободой нельзя не заразиться:

– Слушай, Нинка. Что-то я не то по жизни делаю. Не понимаю пока, но гложет тоска меня, не знаю, куда от неё бежать. Нет, дело не в детях. Наверное, если бы был ребёнок, было бы ещё хуже. У вас с Вадимом не сильно всё поменялось. Так, терпите друг друга. Вот и я терплю.

– Гулька! Что ты говоришь, вы же так хорошо живёте. В любви, в понимании.

– Да, Нин, жили, – Гуля нервно сжала маленькие кулачки. – Ладно, поговорим... Когда Вадим тебя выставит, а он выставит, я знаю, Нин, не живи, закрыв глаза, переезжай к нам. Места хватит... Не могу я больше. Ненавижу его.

– За что?

– Не знаю. Всё бесит. Вроде ничего не изменилось, живём как прежде. Раздражает. Как встаёт, бреется, улыбается, ест. Плохо дело, Нинка.

После оттепели утром опять выпал снег. Вадим смотрел на него и постепенно забывал своё имя, семейное положение, то, что произошло вчера и что произойдёт завтра. Он забывал ужасный сон, приснившийся накануне, сколько он зарабатывает и тратит, каково ему. Становилось всё равно, любят ли его. Снег стирал лицо жены и дочери. Огромные

хлопья подлетали к самому окну, останавливались и смотрели на него. Линии домов и деревьев сначала размылись, потом исчезли. В мире остался только падающий снег.

– Зимой я пишу мало. Не могу работать при электрическом свете и в мастерской холодно. Если бы не Диана, зимой я бы умер с тоски. Знаете, это так просто – жить для кого-то. Рядом с ней я сильный. И бессмертный. А ты почему такой кислый? Поговори со мной. Ты думаешь, мне не бывает плохо, и я тебя не пойму? Я тебя пойму.

В полутёмной мастерской художник подбрасывал дрова в печку и жадно смотрел, наслаждался видом огня:

– Ты давно не плакал. Отяжелела твоя душа. А ты поплачь. Сядь, куда хочешь, и поплачь.

В отношениях с Вадимом Нина не слушала советов родных и друзей. Она шла на зов бессмертия и отметала всё, что мешало ей: обиды, ревность, ссоры. Одно волновало её – это то, что она не может сделать его счастливым. Как она ни пыталась, как она ни старалась угодить, у неё не получалось. Она научилась варить борщи, содержала дом в чистоте, но периоды оттепели в жизни с Вадимом становились всё реже. Он больше не заводил любовниц, но был всё раздражительнее и грубее и однажды ударил её наотмашь.

Её прогулки с коляской по опустевшим улицам становились продолжительнее и предпочтительнее пребывания до-

ма. Мамочки и папочки уже давно разъезжались, а она всё ходила вдоль домов, приближалась к реке, грелась в магазинах и периодически смотрела на часы. Еще рано домой. Пока рано. Рано.

Арина росла спокойной девочкой и во всём помогала маме. Она была ещё крошкой, но на неё уже можно было положиться. Нина знала – Арина не подведёт. Всё у неё было в меру и вовремя: плач, улыбки, сопение и чмоканье в поисках груди, болезни, выздоровление. Такая она была ладненькая, послушная и очень мудрая. На глазах у Нины рос и набирался сил человек очень взрослый и понимающий. С самого раннего Аришкиного детства Нина поняла: растёт друг, с которым можно пойти в разведку. Ему можно довериться, у него можно попросить совета, у него можно учиться всю жизнь. Для него можно пожертвовать всем. В его тени можно отдохнуть от солнца. Это была любовь с первого взгляда, с того самого момента родов, первого кормления и гораздо раньше. Начало знакомства с ней выпадало на время первой встречи с Вадимом. Она увидела его и глубоко внутри приняла. Это было чувство, в котором смешалось сострадание и невероятная лёгкость. Наверное, так – сострадание в невесомости. Да... Но и ещё раньше! А раньше когда? Она не помнила этого «раньше», потому что нам не дано это помнить.

Когда Вадим познакомился с Ниной, его чувства к ней были противоречивы. Он восхищался ею и хотел подойти поближе, но почему-то ему казалось, что он ворует её. У ко-

го? У судьбы? У её дара? У другого мужчины? Он знал, что и с Ниной ему станет скучно, потому что ему становилось скучно всегда. Все долговременные и кратковременные связи с женщинами заканчивались одинаково – разрывом. Но какое-то время это увлекало его, как охотника увлекает дичь или красивое животное. Миг блаженства или обладания сменялся ревностью, а потом омерзением. Ему необходимо было остаться одному, и после апатии он опять метался в иступлении по своей квартире – к нему возвращался его родовой процесс. Кто-кто, а Вадим не рассчитывал, что, перенеся кратковременные муки, он получит вечное блаженство и не верил в лучшую для себя судьбу, и «чудо» как понятие не существовало в его лексиконе, и то, что в жизни будет белая полоса, он воспринимал с глубоким сомнением. Опыт показывал, что не наступит, не случится, не придёт и не ждёт. Не потому, что он был циничным, вовсе нет, он смотрел на жизнь и на себя, как мог, видел то, что видел, никого не звал за собой и никого не заставлял быть похожим на себя, ему и так доставало хлопот. Нет, он не служил в армии, откосил в сумасшедшем доме. Если бы служил – не выжил бы, потому что не мог никому служить. Он дважды крестился в Православном храме и каждый раз искренне. И после крещения ему было легко на душе ровно сутки. Потом счастье надо было зарабатывать, а он не знал как. Мать в детстве была его, а он любил её безумно, и, пожалуй, она являлась единственной, кого он любил по-настоящему.

Если бы можно было быть рядом с ней хотя бы комнатным цветком или, на худой конец, собакой, он перевоплотился бы немедленно. Мать жила с отчимом, которого он сначала ненавидел. Потом простил, но относился к нему снисходительно: внутри себя он чувствовал кастовые различия или ему так хотелось... Отчим был человеком рангом пониже, а может, и не одним. Он был ограниченным, тупым добряком. И единственным оправданием перед Богом, ради чего длилась его, отчима, жизнь, была любовь к матери. Хотя Вадим был в курсе о его славном спасательском прошлом, о его орденах и надорванном здоровье, это ничего не меняло, и предательское высокомерие не уходило, не выветривалось, не смывалось.

Вадим стоял перед открытым окном, курил, смотрел на снег, который превращался в дождь. Как быстро всё меняется. Недавно Вадим плакал от любви к Нине, и когда он плакал от любви, то уже знал, что произойдёт дальше. Так происходило всегда. Недавно они сидели рядом на полу перед большой открытой книгой и напоминали детей, оставленных взрослыми. Взрослые не вернулись, и опору во всём можно было искать только друг в друге и в самих себе. Иногда ему становилось страшно, и он тихо просил:

– Не бросай меня.

– Как же я тебя брошу, ведь я тебя люблю, – отвечала Нина.

Вадим не мог произносить это слово вслух, потому что

сказать это слово значило полностью довериться другому, и ещё это означало взять на себя ответственность за это слово.

Когда родилась Ариша, Вадим был очень счастлив, но однажды, присмотревшись, понял, что она не его дочь. Всё было светлым – волосы, ресницы, брови, кожа. И хотя все говорили, что Арина – копия папа, он пропускал мимо ушей эти слова. Однажды поселившаяся мысль в его голове пустила корни. Он мучил Нину вопросами, устраивал истерики и всё пытался узнать, кто отец ребёнка.

А Нина всё дольше задерживалась в поликлиниках, в магазинах, на прогулках, становилась всё молчаливей. Она бы с радостью закуталась в крылья любой птицы, пожелавшей стать ей матерью.

Сложнее всего идти по жизни подробно, ничего не пропуская. Как хочется прыгнуть вперёд и посмотреть, что там. Как влечёт нас граница, разделяющая жизнь и смерть, но, на самом деле, мы уже смотрим на жизнь глазами смерти. И она сопровождает нас. Этим именем мы называем территорию, скорее, принадлежащую бессмертию, чем смерти, но не будем забегать вперёд! И как хочется обезболить тот или иной процесс, происходящий с нами, и как хочется приукрасить себя, и как хочется, чтобы нас полюбил хоть кто-нибудь! Домашнее животное или человек, но мы не замечаем, как в «страшном порядке» совершаются с нами те или иные события, и в страшном порядке разворачиваются перед нами картины, написанные для нас нашей судьбой.

Ещё недавно Нина занималась живописью и была счастлива, но ей почему-то казалось, что её настоящая жизнь течёт где-то рядом, параллельно той, в которой она живёт. Однажды она прыгнула в омут головой – вышла замуж, осуществилась и как будто заново родилась, проявилась. Ей стало больно. Она опять была счастлива, но боль порой была настолько велика, что Нина не знала, в состоянии ли это выдержать? Девушки и юноши, которые одевают свадебные одежды, не знают, что их ждёт за этим порогом. И хвала отчаянным, готовым постигнуть великую мудрость любви и жизни.

Арине было уже год и семь, когда они гуляли с мамой на зимней детской площадке. Девочка без устали съезжала вниз с пластмассовой горки, а Нина, как обычно, приплясывала и хлопала в ладоши, чтобы согреться. Этот ежевечерний танец под луной видели многие из окон многоэтажек, и если бы однажды женщина перестала плясать, многие потеряли бы важное и нужное звено в своей жизни. Было восемь вечера, когда танцующую Нину увидел возвращающийся с работы Николай. Он затормозил машину и вышел. Нину он не видел уже давно. Года три назад они часто встречались, сидели втроём за маленьким круглым столом, болтали безумолку, пили чай, ели что-то вкусное. Все были счастливы – он, Гулька, Нина. Всё изменилось с тех пор, и все изменились.

– Нина! Ты ли это, моя красавица?

– Боже мой! Николай! Как я рада тебя видеть!

– А я как рад, Нинэль! Ты что-то похудела, но тебе это

идёт.

Заметил ли Коля, что Нина залилась краской? Как же она была рада ласковому слову!

– Как Вадим?

– Последнее время всё плохо.

– Ты поэтому здесь... жрицей работаешь?

– Ну да, служу, – она улыбнулась, и он угадал в ней прежнюю вечно улыбающуюся и смешливую Нину.

– На борщ пригласишь?

– Да я бы рада, но не знаю, как Вадим.

– Я сейчас ему позвоню... Вадим! Привет! Да, я тоже рад. Ехал мимо, встретил твою жену, приглашаете на ужин? Понял, всё, идем.

Почему-то Коля сразу всё понял. Понял, что Вадим действительно ему рад, понял, что сейчас ему придётся пропутешествовать во внутренний ад семьи, и, может быть, он что-нибудь услышит и поймёт для себя, может, разберётся, чем это дно отличается от собственного.

– Он сказал, что у вас шаром покати и жрать нечего. Это что такое? А ну, жено, давай признавайся, что мужа не кормишь?

Нина не ответила.

– Бери Арину, пойдём в магазин.

В магазине Нина много говорила. Из неё как будто бы вынули пробку – и слова вытекали, как вода из раковины. Когда вся вода вытекла и слова закончились, она вопросительно

посмотрела на Николая. Николай был сосредоточен на корзине, в которую летели фрукты, овощи, молоко, крупы, мясо, вино, хлеб и водка. Перед кассой он что-то вспомнил, побежал в зал и вернулся с пакетом спагетти, соевым соусом и коробкой конфет.

– Теперь вроде всё. Нина, не смотри на меня с таким удивлением, мне безумно стыдно. Это пустяк. От нашего стола вашему. И не говори ничего. Молчи. Вот и хорошо.

Ариша заснула и видела сон про голубые, розовые и золотые облака.

Пока Нина укладывала дочку и жарила мясо, мужчины опрокидывали в себя «Беленькую» стопку за стопкой, закусывая сыром и огурцами. А когда на стол были водружены отбивные с варёным картофелем и салат, Николай предложил выпить за радушную хозяйку дома.

– Она что ли хозяйка? – процедил Вадим и сплюнул сквозь зубы прямо на пол.

После плевка естественным образом наступила пауза, в которой «хозяйка» едва сдерживала слёзы. Но Вадим уже не мог остановиться:

– Не нужна мне она, я вообще в женщинах не нуждаюсь. Мой отец всю жизнь прожил один, и я проживу.

– Вадим... Но ты живёшь не один. У тебя жена и дочь.

Но из Вадима мощным ключом била и хлестала ненависть. Там было много бранных слов. Много бранных слов. Очень много бранных слов.

«Что это? – спрашивал себя Коля– Неужели это я? Неужели это мои невысказанные слова по отношению к Гуле? Или это её слова по отношению ко мне? И сейчас показывают нас?»»

Но он уже не думал об этом, он переключился на режим контроля состояния Нины, как будто всю жизнь был врачом. Он ни с кем не спорил, понимая, что дело плохо, не пытался никого остановить и никого не осуждал. Он просто слушал пульс Нины, тот был очень частым – воздух вокруг мигал, словно был увешан новогодними гирляндами. Стук сердца слышали даже соседи. Соседка сверху, бабушка Валя, и так засыпала плохо, всё думала о сыне, который в очередной раз сидел в тюрьме, а тут на тебе, этот стук. Соседи сбоку по вечерам выпивали и не обратили на него внимания, но их собака скребла пол, повизгивала, вскакивала и лаяла, глядя на стену, разделявшую квартиры.

Нина ушла в свою комнату. Вадим быстро сник и уснул прямо на стуле. Стало тихо. Коля не понимал, что делать дальше. Хотел помочь, а получилось как всегда.

– Нина! – позвал он.

Никто ему не ответил.

– Ниночка!

Было холодно, так холодно, что зубы перестали смыкаться и отстукивали странную барабаннуюдробь. Это от живых такой могильный холод? За окном падал снег. Справа от него на стуле спал человек. Слева, в глубине комнаты лежала жен-

щина. Плотным, очень плотным воздухом нельзя было дышать. Николай вдыхал, а внутри всё отзывалось болью. Вдруг он ясно и чётко увидел себя со стороны. Зачем он здесь? Что он хочет изменить? В своей жизни? Или в жизни этих людей? Мысли замедлились, всплыли в верхний слойвоздуха и исчезли. Он остался без мыслей. Чувства, которые были связаны с шоком и с сопереживанием, тоже. Он остался без чувств. Все моменты реакции и печали исчезли, не было и самой рефлексии. В эти мгновения что-то менялось очень быстро, и он сам был причиной этой перемены, и он знал, что разрушает стены тюрьмы, сооружённой мужчиной и женщиной. За границей отчаяния, в глубоком колодце тоски Нина услышала, что её кто-то позвал, потом протянул ей руку, обнял, провёл рукой по её волосам, поцеловал ладони. И не сразу, но в её пустоту и холодмедленно стала переливаться чья-то жизнь. С ней делились, вытесняя сомнения, страхи, ужас и безысходность.

Говоря просто, Нина переспала с мужем собственной подруги в непосредственной близости от пьяного Вадимазимней звёздной ночью. Потом Нина заснула, а Николай сидел на полу, оглушённый охватившим его чувством. Он плакал. Последний раз он плакал двадцать пять лет назад, когда умер его маленький сын. В два часа ночи он как будто опомнился, вышел на пустую улицу и вызвал такси.

Между седьмым и восьмым этажом четырнадцатietàж-

нойбашенки тусовалась разношёрстная разновозрастная компания. Там были подростки-переростки, дизайнеры, медики, фотографы и даже затесался театральный реквизитор. Именно в этой тусовке «дышала» Гуля, и, как ни странно, она находила там что-то такое, чего не водилось у них с Колей. А у них с Колей не водилось ссор, конфликтов, выяснений отношений, пьянок, измен, мордобоя, истерик и отсутствия денег. Коля был идеальным мужем. Хвалил стряпню жены, читал газеты, хорошо зарабатывал, понимал её и дарил подарки, а по праздникам – цветы. Все девчонки завидовали Гуле. Гуля вытащила выигрышный лотерейный билет! Гуле повезло! Ох, уж эта Гулька! Но, как говорится, где семья, там и спрятанный скелет. И этим скелетом оказалась бездетность. И Гуля «срывалась». Не сразу, но после пяти лет совместной бесконфликтной жизни она поднималась на седьмой этаж на лифте, проходила ещё один пролёт, садилась на розовый кафель прямо на пол и открывала бутылку с пивом. Кто-то всегда оказывался рядом. И этого кого-то звали Игорь.

Игорь, как и Гуля, работал в театре и, как и Гуля, не был актёром. Гуля вела спектакли: готовила площадку, давала звонки, выкидывала актёров на сцену, следила за гримёрами, осветителями, звуковиками, то есть руководила большим муравейником, имя которому – театр. Игорь же работал монтировщиком, но недавно его перевели в реквизиторы. Он был предан театру, он его любил. Он чуть-чуть не до-

тянул, не окончил режиссёрский курс в высшей школе. Заболела мать, надо было работать и выхаживать её. В своей жизни он как будто всё время пытался впрыгнуть в отходящий поезд, но чуть не успевал и оставался стоять на опустевшей платформе. От него часто пахло вином, он был худ и сутул, но глаза, удивительно умные и живые, выдавали в нём человека, наделённого талантом, а талант, как говорится, не пропьёшь. Гуля это поняла с первой встречи. Они вместе ехали в метро. Она – из своего, а он – из своего театра. Она поздоровалась, ибо узнала соседа сверху. Они разговорились. Её решение, что будет скучно, нечего и не о чем, сразу отменилось. А потом произошло чудо – стало легко. Но от станции к станции удивление её нарастало. Во-первых, было интересно. Во-вторых, она вдруг почувствовала себя умной женщиной, чего с ней не было никогда в жизни. В-третьих, всё показалось ей смешным. Её не интересовала его внешность, достаток и здоровье. Если можно так сказать, само воплощённое вдохновение сидело перед ней. Что-то в ней удваивалось, а то и утраивалось, во всяком случае, её безумие возрастало даже вчетверо. Рядом с Игорем не требовался даже мотоцикл. И периодически она искала этого человека, шла на запах, хотела выжить, но когда она находила его восхищённые глаза, то успокаивалась и искала его руку. У него была тёплая, чуть шершавая рука. Они болтали без умолку, рассказывали театральные сплетни, смеялись, травили анекдоты и были безнадежно счастливы. Как можно быть счастливым,

не имея надежды?

– Я не люблю мужчин. Не в этом смысле. Я не люблю писать мужчин! Они меня не вдохновляют. Женщины – другое дело! Женщины... Я их завлекаю, они мне позируют, а я их развлекаю! Я им пою, читаю стихи, кормлю фруктами, пою чаем, что-то спрашиваю, шучу. Они смеются! Отвечают невпопад, что-то мне рассказывают или сидят надувшись. Как можно не любить женщин? Посмотрите, какая линия спины, шеи, бёдер, какие у них кисти рук, как они поворачивают голову и смотрят! Вслушайтесь в звуки их голосов! Какая музыка! Какая музыка! Я не люблю мужчин потому, что они мне завидуют. Не смейтесь, правда. Я – счастливый, пишу ежедневно, ко мне приходят женщины, одна красивее другой. Моим рукам помогают краски, свет, а в основном – природа! Это она шепчет мне: «Напиши её так, а не иначе, добавь золота в волосы, сделай их лёгкими, сделай кожу тёплой и прозрачной, такой, чтобы хотелось к ней прикоснуться. Сделай её живей, чем она есть! Обнаружь в ней сокровище!» Боже, что это за работа! Недаром мне завидуют. А вы? Завидуете? Ну вот, я же говорил. А мужчины почти все норовят ухватить, взять себе, сказать «моё». Они все агрессивны, а если они не агрессивны, то это не мужчины.

Как можно что-то сделать незаметно? Незаметно изменить, незаметно предать, незаметно украсть? Улыбаться дру-

гому, а самому носить за пазухой камень. Быть «примерным» мужем или женой, а самому презирать другого. В нас так силён инстинкт охотника! Мы можем не есть грибы, но мы будем их собирать! Нам хочется ту или иную игрушку, но когда мы получаем её, мы сразу теряем к ней интерес. Человек во все времена был одинаков. Неужели ничего не поменялось? Неужели?

Однажды Гуля осталась у Игоря на ночь. Коля принял ситуацию, стиснув зубы, и ничего не сказал Гуле, которая пришла только утром. Он сварил кофе себе и ей, молча выпил, чмокнул её в нос и уехал на работу. Это «спокойствие» дорого ему стоило. Руки не слушались, ему пришлось припарковаться и поехать в метро. В вагоне кто-то разлил масло, и пахло семечками. Болела душа, но где, в каком месте она болела? Скользили на масле, но никто не упал, пассажирам было даже весело.

Рано или поздно человек оказывается в одиночестве с самим собой и своими вопросами. В полной пустоте, которая, возможно, и есть истина? Хочу ли я долго жить? Жить в пустоте. Могу ли вообще сделать кого-то счастливым, если сам... Зачем я? Существуют ли варианты выхода из таких... ситуаций? Расстаться? Простить и идти дальше? Пересмотреть свою жизнь? Не выдавать себя. Простить. Ничего страшного не произошло... Болело сердце.

– Мужчина, что с вами? Вам помочь? – кто-то уже поддерживал его под локоть.

– Спасибо, я сам.

Странно, так тяжело не было никогда. Когда разгребали завалы и из-под обрушившихся балок и плит вынимали мертвецов в Ленинкане, было больно, но не так. Ты служил целому, ты был нужен, смерть ходила везде и пила спирт вместе с остальными. Ты сам мог умереть внезапно, но не было так тяжело. Когда служил на подлодке и постоянно дрался, и не хотел прислуживать чужой тупости и злобе, и в любой момент мог быть отстреленным, как больное животное, и смерть ходила рядом – не было так тяжело. Эти «простые» вещи, из которых складывается наша жизнь, оказываются нам не по зубам. Самое сложное – прожить один день твоей длинной скучной жизни, которая на поверку оказывается слишком... короткой. Там, в щели, где болело, Николай постигал безмерность и бессмертие мира. Кому ещё этот мир мог быть так интересен?

Никаких выяснений взаимоотношений у них с Гулей не было, но почему-то дома стало холодно, неуютно, сквозило. И ночью, лёжа в постели с собственной женой, Николай замерзал. А однажды, возвращаясь с работы, он увидел на детской площадке одинокую танцующую фигуру женщины. В этот момент Николаю было уже пятьдесят. Гуля многого не знала о нём. О том, что он уже был женат, в той далёкой молодости и жил в небольшом Алтайском городке, имел ребёнка... Ребёнок на его глазах вылил на себя чан с кипятком. Они с женой похоронили сына и развелись.

Во все времена люди были одинаковыми. Нам свойственно добавлять флёр и вносить романтику во времена, которые давно прошли, в былое. Испытывая недовольство, мы думаем, что мир и человек в нём стал хуже, но стоит заглянуть в прошлое, тотчас же мнение о сегодняшнем дне меняется, и мы благодарим Бога, что родились сегодня, а не вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.